

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Вопрос, поставленный в заглавии публикуемой в настоящем сборнике статьи С.М. Каштанова, «Есть ли у медиевиста “устные источники”?», может показаться тривиальным и имеющим однозначный ответ — нет, «устных источников» ни у медиевистов, ни у антиковедов нет и быть не может: такими источниками могли пользоваться (и то далеко не всегда) лишь авторы дошедших до нас произведений. При этом писатели не только отбирали соответствующие их замыслу предания, но и перерабатывали и переосмыслили их в процессе записи, обращаясь с ними значительно более свободно, нежели с авторитетными сочинениями или библейскими текстами.

Казалось бы, эти вполне очевидные соображения должны были заставить историков отказаться от реконструкции исторических событий, сведения о которых дошли до нас в письменных переложениях устной традиции. Именно к такому — принципиальному — отказу от использования в качестве исторических источников текстов, пересказывающих устные предания, призывал историкоскандинавистов Лауриц Вейбуль в начале XX столетия¹; и на несколько десятилетий исландские саги (за исключением — в определенной степени — королевских), скальдические стихи и даже казалось бы аутентичные рунические надписи оказались под негласным запретом для историков. В результате этого ранняя история скандинавских стран почти полностью лишилась источниковой базы, поскольку собственно скандинавские акты и историография (кстати, тоже в значительной степени восходящая к той же устной традиции, что и королевские саги) появляются только в XII в., а западноевропейские хронисты (кроме Адама Бременского) ничего не знают о далеком севере. Лишь в 1950-е гг. скандинавские повествовательные источники (прежде всего саги) начали постепенно возвращаться в историческую науку, подвергаясь пристальному источниковедческому анализу.

¹ *Weibull L.* Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000. Lund, 1911; *Idem.* Historisk-kritisk metod och nordisk medeltidsforskning. Lund, 1913.

Такая же ситуация могла бы сложиться и в изучении дописьменной эпохи в истории англо-саксов, лангобардов, готов, южных и западных славян, наконец, Древней Руси, если бы исследователи отказались от использования письменных текстов, основанных на устных преданиях. Во всех регионах Европы (и не только в ней) первые памятники национального историописания практически полностью зависят от местной исторической традиции, которая формировалась и существовала в устной форме, — она и только она являлась источником информации о прошлом данного народа. Авторитетные исторические сочинения: римские, византийские, позднее — франкские, немецкие, английские, а также Библия, задавали парадигму исторического описания, но не содержали, за редкими исключениями, сведений о конкретных событиях в истории «варварских» народов, если только эти события не были непосредственно связаны с историей страны, из которой происходил хронист. Так, сообщения о нападении росов на Константинополь в 860 г. и их последующем обращении в христианство запечатлены в византийских источниках благодаря их значению для собственно византийской истории и их восприятию византийцами, тогда как такое важное для Руси — и непосредственно связанное с Византией — событие, как крещение Владимира, не нашло в них отражения². Почти все остальное, что мы знаем о Руси, ее правителях и их деяниях³, — переложение разнохарактерных и, вероятно, первоначально не связанных между собой преданий, которые были соединены древнерусским летописцем (начала XI в.?), выстроившим последовательную «историю» своего государства. Точно так же Франкские анналы довольно подробно освещают правления конунгов Хедебю (Дания) на рубеже VIII–IX вв., значительно более скупой пишут о событиях в этом регионе вплоть до 860-х гг., после чего регион выпадает из поля зрения хронистов: содержащаяся в анналах информация о данах почти исключительно касается связей Франкской империи с ними, а ее неравномерность — очевидное следствие интенсивности этих контактов и их важности для империи.

² См. подробнее: *Бибииков М.В.* Когда была крещена Русь? Взгляд из Византии // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С.108–109.

³ Сказанное касается в первую очередь событийной истории. Для характеристики социально-политических процессов и экономики зарождающегося Древнерусского государства немалую и крайне ценную информацию содержат включенные в Повесть временных лет договоры руси с греками, а также сведения зарубежных источников, прежде всего восточных и немецких.

Как видим, значение устной исторической традиции как основного источника информации для реконструкции ранней истории народов Европы, в том числе и Руси, трудно переоценить, и медиевист обречен на ее использование. В то же время, как справедливо заметил С.М. Каштанов, сама древняя устная традиция не может являться историческим источником — она недоступна для непосредственного исследования, как недоступны, например, мертвые языки, не запечатленные в памятниках письменности. Тем не менее, эти языки успешно изучаются, но методами, существенно отличными от изучения живых языков. Устная историческая традиция дошла до нас в более поздних, иногда на два-три столетия, памятниках, прежде всего в ранних историописаниях, каковые и являются нашими непосредственными источниками. Однако исследование тех частей исторических сочинений и отдельных сюжетов, которые восходят к устной традиции⁴, не может ограничиваться традиционными источниковедческими и текстологическими методами, принятыми при работе с античной и средневековой историографией. Обращение к ним требует разработки особых и междисциплинарных методических процедур и приемов, которые позволили бы по возможности установить хотя бы тип (генеалогическое предание, героико-эпическое повествование, перечень и др.) и основное содержание сюжета, оценить вектор(ы) его переработки в процессе его устного бытования, причины обращения к нему средневекового историографа, изменения, произведенные в сюжете при его включении в письменный текст. В последние годы были намечены некоторые новые методы исследования устной традиции, отраженной в памятниках историописания: структурный анализ сюжетных мотивов⁵, лингвостратиграфический способ выделения разновременных участков ле-

⁴ О критериях выделения таких сюжетов в древнерусских летописных текстах см.: *Щавелев А.С.* Критерии выявления устных источников раннеисторических описаний (Повесть временных лет, хроники Козьмы Пращского и Галла Анонима) // ВЕДС. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. I. С. 160–164; *Он же.* «Устный нарратив» в первых славянских летописях и хрониках: идентификация и реконструкция // ВЕДС. XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 283–289.

⁵ *Мельникова Е.А.* Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. 95–108; *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

тописных текстов⁶ и др.⁷ Публикуемые ниже статьи освещают широкий спектр проблем, связанных с механизмами воспроизведения устной традиции в письменных текстах и методами исследования этих механизмов.

⁶ См.: *Гиттис А.А.* Рекоша дружина Игоревы...: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. № 2. P. 147–181 и последующую дискуссию в журнале *Paleoslavica*.

⁷ См., например: *Глазырина Г.В.* О шведской версии «Пряди об Эймунде» // *Норна у источника судьбы*. М., 2001. С. 61–69; *Она же.* Трансформация исторических свидетельств в устной традиции и при записи текста (на материале древнеисландской «Саги об Ингваре Путешественнике») // *ДГ*. 2001: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 28–47.